

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ 9

Г Л А В А I

СУШНОСТЬ ИМПЕРАТОРА. 17

Г Л А В А II

КОЛЫБЕЛЬ ИМПЕРИЙ: ДРЕВНИЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ПЕРВЫЕ В МИРЕ ИМПЕРАТОРЫ. 55

Г Л А В А III

ПЕРСИДСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ И АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ 68

Г Л А В А IV

РИМСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ МОНАРХИЯ. 77

Г Л А В А V

АШОКА, ИНДИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ БУДДИЗМА 99

Г Л А В А VI

ИСТОКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В КИТАЕ 111

Г Л А В А VII

КОЧЕВНИКИ 129

Г Л А В А VIII

ИМПЕРСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ:
ДИНАСТИИ ТАН И СУН 151

Г Л А В А   I X

ИСЛАМСКИЙ ХАЛИФАТ: НАСТОЯЩАЯ МИРОВАЯ ИМПЕРИЯ 182

Г Л А В А   X

КАРЛ V И ФИЛИПП II: ПЕРВЫЕ ВСЕМИРНЫЕ ИМПЕРАТОРЫ 207

Г Л А В А   X I

ИМПЕРАТОРЫ, ХАЛИФЫ И СУЛТАНЫ: ОСМАНСКАЯ ДИНАСТИЯ 239

Г Л А В А   X I I

ВЕЛИКИЕ МОГОЛЫ: ВЕЛИЧАЙШАЯ ДИНАСТИЯ ИНДИИ 273

Г Л А В А   X I I I

ПОСЛЕДНИЕ ДИНАСТИИ КИТАЯ: МИН И ЦИН 305

Г Л А В А   X I V

РОМАНОВЫ: НАСЛЕДСТВЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ, ЕВРОПЕЙСКИЕ
И ЕВРАЗИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ 336

Г Л А В А   X V

ЕВРОПА НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ГАБСБУРГИ,
ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАПОЛЕОН 376

Г Л А В А   X V I

ИМПЕРАТОРЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ: 1815-1945 411

Г Л А В А   X V I I

ПОСЛЕСЛОВИЕ 466

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 475

ПРИМЕЧАНИЯ 477

*Эта книга посвящается
кембриджскому Тринити-колледжу:
его деканам и преподавателям,
его студентам и сотрудникам,
которые сделали мои годы
в колледже весьма приятными
и продуктивными.*

П Р Е Д И С Л О В И Е

И

Б Л А Г О Д А Р Н О С Т И

Это книга об императорах. Вероятно, большинство читателей возьмет ее в руки, полагая, что им известно, кто такой император. Более губительной иллюзии не найти. Императоры бывают очень разные. Империя — одно из самых неоднозначных понятий в истории и политике. В первой главе я рассмотрю эти вопросы подробнее. Пока же я лишь скажу, что в моей книге речь идет о наследственных держателях верховной власти во многих наиболее могущественных и значимых политических общностях в истории. В теории это всемирная история императоров. На практике до XVI века я рассматриваю только императоров Евразии и Северной Африки. Дошедшие до нас источники не позволяют историку достаточно много узнать о личности императоров Северной и Южной Америки и Черной Африки, правивших до этого времени. И без того гигантские масштабы проекта ввергали меня в совершенное отчаяние, и потому я не стал раздвигать его рамки еще дальше за пределы своей зоны комфорта.

Очевидно, что в процессе работы с такими обширными темами опускать приходится куда больше, чем включать в исследование. Даже некоторые значимые евразийские империи упоминаются на страницах этой книги лишь мельком. В первую очередь к ним относятся Византия, государства Каролингов, Сельджуков, Сасанидов, а также ряд империй Юго-Восточной Азии. Даже в тех империях, которые я выбрал для изучения, мне приходится сосредоточиваться на определенных эпохах и правителях. Порой бывает сложно удержаться от того, чтобы не рассмотреть империю в период ее расцвета. Почти каждое предложение в этой книге можно развить в целый абзац. Едва ли не каждое утверждение необходимо снабжать целой серией замечаний, исключений и оговорок. Роль императоров в ми-

ровой истории — всеобъемлющая и увлекательная тема, и, завершая книгу о ней, практически невозможно не ощущать горечь поражения. Если большинство читателей сочтет мой труд героическим, местами любопытным и наводящим на размышления, но вместе с тем провальным, я буду более чем удовлетворен.

Разумеется, в том, как я подхожу к этой теме и расставляю акценты, находит отражение мой профессиональный и жизненный опыт. В академическом мире я прежде всего специалист по истории Российской империи и истории международных отношений. Геополитика, дипломатия и война занимают в этой книге важное место, что, на мой взгляд, вполне заслуженно, учитывая их значимость для правителей. Мой личный опыт многообразен, но моя жизнь всегда была связана с империями. В моем детстве и отрочестве притаились Ирландия, Британская Индия, Российская империя и общность балтийских немцев. В тот период во мне доминировали британско-имперская и католическая идентичности, но в конце 1960-х и начале 1970-х годов они по большей части исчерпали себя. Оставшуюся после них пустоту заполнила Российская империя — мир предков моего отца, изучению которого я посвятил почти пятьдесят лет своей жизни. И все же царская Россия никогда не занимала меня целиком. В 1991 году правительство Латвии великодушно восстановило меня в гражданстве, которое отец потерял в 1940 году, когда Сталин аннексировал его родину. Восодушевившись падением Берлинской стены и восстановлением Центральной Европы, я назвал своего сына Максимилианом Леопольдом — в честь моего крестного отца, австрияка по происхождению, и династии Габсбургов, олицетворяющей великую центральноевропейскую историю.

Воспоминания об империи в нашей семье вовсе не были исключительно триумфаторскими. Получив превосходное по своей глубине и гуманизму образование в великолепном французском государственном лицее, мой отец по своему мировоззрению склонялся к парижским интеллектуалам левого толка и почти не испытывал ностальгии по старому режиму. Все империи, которым служила моя семья, в итоге пали, и их крах обернулся хаосом. Кроме того, семья моего отца никогда не считалась в полной мере русской в современном смысле слова, англичан среди моих предков не было вовсе. Дети мы каждое лето по несколько недель гостили у Хьюберта Батлера неподалеку от Килкенни*. Хьюберт принадлежал к побочной ветви протестантского дворянского рода, восходящего к герцогам Ормонд. Тем не менее он был известным гэльским ученым и убежденным,

* *Килкенни* — самый маленький город в Ирландии, расположенный на юго-востоке острова. (Прим. ред.)

хотя и неординарным, патриотом Ирландии. С подростковых лет я запомнил просторные ирландские дома, где было влажно и холодно, что объяснялось не только традицией, но и нуждой. Самым странным из них был особняк Клоналис в Роскоммоне — это резиденция семейства О’Конор Дон, потомков верховных королей Ирландии, которые правили страной в XI веке до прихода англичан. Там стояли кровати с балдахинами, и стоило заспать в одной из них, как можно было оказаться разбуженным группой американских туристов, приехавших в Ирландию в поисках своих корней. С другой стороны, поднимаясь на верхний этаж особняка в дождливый день — а Роскоммон, пожалуй, самое дождливое графство в Ирландии, — не лишним было захватить зонтик.

Самым интересным из моих прадедов и единственным, принадлежавшим к среднему классу, был Прингл Кеннеди. Он родился в Индии и едва не погиб во время восстания 1857 года. Успешный барристер и прекрасный ученый-любитель, он проявил немалую смелость для человека своего класса и эпохи — после смерти моей прабабушки женился на индианке. В 1908 году индийский националист убил ее вместе с бабушкиной сестрой, приняв их экипаж за экипаж неугодного британского чиновника. По разным причинам ни в британском, ни в индийском репортажах об убийстве — а это дело вызвало немалый резонанс — не упоминалось об индийском происхождении одной из двух жертв.

Более половины жизни я женат на японке и провожу в Японии не менее трети каждого года. Это многому меня научило. Из Токио прошлое, настоящее и будущее выглядят совсем иначе. Не так давно у меня появился зять с еврейской кровью, а моей снохой стала почти стопроцентная филиппинка. Эта книга писалась главным образом в нашем загородном доме, стоящем на возвышенности, которую одни назовут высоким холмом, а другие — небольшой горой, в зависимости от того, насколько романтическое у них настроение. Из окон моего кабинета открывается вид на величественную и прекрасную Фудзияму. В ясный день все просматривается на полторы сотни километров вперед, до самого Тихого океана и дальше. Во время пандемии для ученого там был рай. Разумеется, ужасы пандемии нарушили привычный ход жизни. Я хочу воспользоваться возможностью и отдать должное двум моим дорогим друзьям — профессорам Хари Васудевану и Дэвиду Уошбруку, которые скончались в этот период. В долгосрочной перспективе, однако, рейтинги Дональда Трампа вызывали даже большую тревогу, чем пандемия. Я жил на ежедневной порции статей в *Financial Times* и неограниченном запасе бутербродной пасты *Marmite*, пристрастие к которой сразу выдает в человеке англичанина.

Во всем этом буйстве взаимоисключающих идентичностей и подданств я никогда не сомневался в одном. Я — британский, а точнее кембриджский историк. Многим из того, что я ценю больше всего в жизни, я обязан образованию, которое получил на историческом факультете Кембриджского университета. Я глубоко признателен своим учителям (многие из которых уже умерли): Дереку Билзу, Нилу Маккендрику, Генри Пеллингу, Саймону Шаме, Джонатану Стейнбергу и Норману Стоуну. В этот список стоит включить и Кристофера Бейли, одного из лучших и самых великодушных историков, с которыми мне довелось общаться. Также с глубоким уважением и благодарностью я вспоминаю своего научного руководителя Хью Сетона-Уотсона, своего крестного отца в научном мире Леонарда Шапиро из Лондонской экономической школы и своего учителя истории Десмонда Грегори из школы Даунсайд.

Рукопись этой книги прочли несколько моих друзей и коллег. Акценты в ней расставил я, и все ошибки тоже на моей совести, но без помощи этих читателей все было бы гораздо хуже. В их числе Питер Фибигер Банг, Йерун Дёйндам, Алан Форрест, Карт Фауден, Джанет Хартли, Глен Рангвала и Питер Саррис. С ролью моего научного ассистента прекрасно справился Джумхур Бекар, который также при поддержке моего бывшего аспиранта Серкана Кеджеджи провел мне чудесную экскурсию по Стамбулу. На финальных этапах работы, когда я мучился с дьявольскими технологиями (ИТ), мне очень помогла Ниведита Чакрабартти. Мне также хочется отметить помогавших мне Кристофера Кларка, Джонатана Дэйли, Оливера Хардта, Джона Холла и Николаса Постгейта. Мои друзья Кёдзи Комати и Ёхиро Токугава оказали мне большую поддержку в Японии, за что я им очень благодарен. Жерар Робо и куратор Версальской городской библиотеки Венсан Хегеле провели поистине незабываемую индивидуальную экскурсию по закулисью Версальского дворца и среди прочего показали мне королевскую библиотеку, мастерскую Людовика XVI и покои мадам Помпадур и мадам Дюбарри. Несколько сотрудников *Financial Times* помогли мне проводить параллели между моей темой и современными проблемами лидерства и геополитики. Вместо того чтобы перечислять их поименно, мне, пожалуй, стоит поблагодарить их работодателя. Сегодня нечасто встретишь ежедневную газету, которую я готов читать и анализировать по полтора часа.

Огромное спасибо моему агенту Наташе Фэйруэзер и моим издателям Венди Вуд и Саймону Уиндеру. Комментируя мою рукопись, Саймон руководствовался не только долгом службы, и благодаря этому книга стала гораздо лучше, чем могла бы быть. Огромное спасибо за усердие моему зор-

кому выпускающему редактору Ричарду Мэйсону, а также Еве Ходжкин и Сесилии Маккей. Мои близкие на протяжении многих лет безропотно сносят мою одержимость императорами. Моя жена мирится с жизнью в домах, где на стенах висят портреты Романовых и правителей империи Цин, а гостиные полны огромных матрешек, которые искусно расписаны в Москве и славят, в частности, Габсбургов, Османов, Великих Моголов и цинских монархов. Она тихонько возмутилась, лишь услышав вежливую просьбу разместить в нашей спальне третью партию российских и австро-венгерских линкоров додредноутного типа (чудно воссозданных в дереве вьетнамскими судостроителями).

Самое большое спасибо за помощь при работе над этой книгой я говорю в самом конце. Я благодарен кембриджскому Тринити-колледжу. Восемь лет я проработал в Тринити старшим научным сотрудником — иными словами, я фактически был профессором-исследователем, избавленным от административной и преподавательской нагрузки. Нечего и говорить, что такое привилегированное положение не занимает почти ни один другой профессор гуманитарных наук в британском академическом мире. Учитывая, какое у меня плохое зрение, эта книга просто не могла быть написана, если бы мне приходилось выполнять обычное количество административной и преподавательской работы. Получается, что Тринити-колледж буквально позволил этой книге появиться на свет. В более широком смысле восемь лет, проведенных в Тринити, оказались для меня чрезвычайно плодотворными и приятными благодаря моим коллегам и деканам (лорду Мартину Рису и сэру Грегори Уинтеру), студентам-историкам и чудесным сотрудникам колледжа, которые помогали мне во всех начинаниях. Я посвящаю эту книгу всем им, но главное — самому Тринити-колледжу.

К благодарностям следует прибавить и извинения. Еще когда я начал работу над своей прошлой книгой “Навстречу огню. Империя, война и конец царской России”, я чувствовал, что испытываю все более серьезные проблемы со зрением и координацией. Они значительно усугубились в ходе напряженной работы со старыми рукописями и микрофильмами в российских архивах. Вернувшись из архивов, я целый месяц был вообще не в состоянии читать. Впоследствии мне стало лучше, и, работая над этой книгой, я мог читать по шесть часов в день, если соблюдал осторожность. Этого времени едва хватало для создания книги такого объема. Когда я только приступил к работе, Фредерик Паулсен сделал в мой адрес невероятно щедрое пожертвование, чтобы я основал фонд помощи российским историкам (в первую очередь молодым). Для меня было огромной честью руководить этим фондом из Лондонской экономической школы,

где я прежде работал, это придало моей жизни дополнительный смысл и повысило ее ценность. Разумеется, однако, из-за этого нагрузка на мои глаза возросла, а времени у меня стало меньше. Опытные ученые тонут в просьбах прочесть рукопись, написать рекомендацию, оценить диссертацию, войти в комиссию по назначениям на должности, дать совет и оказать поддержку. Мне быстро стало ясно, что если я продолжу реагировать на эти просьбы, как раньше, у меня не останется шансов написать эту книгу. В последние шесть лет я продолжал поддерживать бывших студентов и близких коллег и всегда старался помогать в тех случаях, когда без моих знаний действительно было не обойтись, но мне пришлось отклонять гораздо больше просьб, чем хотелось бы.

Одновременно с этим я прошу прощения у многих ученых, труды которых были мне полезны, но имен которых я не упомянул в примечаниях. Эта книга родилась за шесть лет, но в ней подводится итог почти всему, что я изучал, о чем писал и что преподавал за свою практически полувековую карьеру. Если бы я перечислил все работы, на которые опирался, итоговая библиография оказалась бы во много раз длиннее самой книги. В связи с этим я вынужден был указывать лишь источники прямых цитат, а также работы, без упоминания которых меня можно с легкостью обвинить в плагиате. В очень краткий список дополнительного чтения я включил в основном сочинения на английском языке.

Учитывая невероятную сложность выбранной темы, я также предпочел для книги самую простую структуру и решил в своем повествовании по возможности придерживаться хронологического принципа. Без исключений из правила не обошлось. В главе I вводятся темы, которые развиваются в последующих главах. В ней объясняется, в чем состоит работа императора, и перечисляются факторы и качества, которые могут способствовать как успеху, так и провалу императорской власти. Далее в книге эти вопросы рассматриваются на конкретных примерах, что предполагает не только знакомство с характерами людей и династическими традициями, но и понимание того, с какими сложностями сталкивались те или иные императоры, какие ресурсы были им доступны и какие возможности им открывались.

Главы со II по VI посвящены тысячелетиям с момента появления первых империй до краха (Западной) Римской империи и империи Хань в Китае в период между III и V веком н. э. В главах со II по IV я рассматриваю императорские монархии Ближнего Востока и Средиземноморья с древнейших времен до Рима. В главе V рассказывается об империи Маурьев в древней Индии, а в VI — о возникновении и становлении империи в древнем Китае. В западной историографии весь этот период тради-

ционно называется Древностью, или Древним миром. В западном представлении идея о резком переходе от этой эпохи к следующей кажется вполне логичной. После падения Рима в Европе целую тысячу лет практически не было империй, что в результате привело к формированию глубоко укорененной неимперской традиции на западной оконечности Евразии. Об окончании древности в Европе громко возвестило и появление ислама. Гораздо сложнее увидеть резкий переход от империи Хань к империи Тан в Китае. Определяя структуру и периодизацию в этой книге, я главным образом руководствовался соображениями удобства, а не пытался изложить свой план истории.

Кочевые империи, которые рассматриваются в седьмой главе, выбираются из хронологии книги. В этой главе охватывается весь период с начала первого тысячелетия до нашей эры до XV века н. э. В эти 2500 лет военная мощь кочевников играла важнейшую роль в истории и геополитике (этим термином я обозначаю влияние географии на политику и порядки) Евразии и Северной Африки. Одна из последних кочевых держав — империя Великих Моголов — также была крупнейшей на тот момент империей в истории, которую впоследствии превзошла лишь Британская.

В главах VIII и IX внимание уделяется двум величайшим нестепным императорским монархиям, существовавшим в тысячелетие с гибели Древнего мира до эпохи, которую историки часто называют ранним Новым временем и отсчитывают от XVI века н. э. Это империи Тан и Сун в Китае и Исламский халифат. Главы с X по XIV посвящены пяти величайшим императорским монархиям так называемого раннего Нового времени, а именно Габсбургам, Османам, Великим Моголам, Цинь и Романовым. Есть некоторые основания для того, чтобы отделить эту эпоху от предыдущего периода. После испанского завоевания Америки в XVI веке началась история, которую можно назвать Всемирной. Одновременно кочевники резко потеряли свое военное могущество, что привело к постепенной трансформации евразийской геополитики. Ко второй половине XVIII века Европа распространила свое влияние по всему миру. Тем не менее на протяжении большей части периода, рассматриваемого в этих пяти главах, история грандиозных евразийских империй Великих Моголов и Цинь определялась местными факторами, а не европейским влиянием и не европейской властью. По очевидным географическим и геополитическим причинам в случае с Османами и Романовыми ситуация обстояла несколько иначе. В посвященных этим двум великим императорским монархиям главах я уделяю большое внимание их конкуренции с Европой, а также множеству других вопросов.

Когда читатель доберется до глав XV и XVI, периодизация станет более четкой. В главе XV речь пойдет о последних двух поколениях династии Габсбургов до Великой французской революции, а затем о самой революции и Наполеоне. Идеология Великой французской революции часто считается одним из двух ключевых элементов Нового времени. Другой, еще более существенный, — промышленная революция. В главе XVI рассматриваются императорские монархии в период с 1815 по 1945 год, когда Европа правила миром, а общество, культура и политика претерпевали изменения под влиянием двух великих революций Нового времени. Есть фундаментальное различие между земледельческими и скотоводческими обществами и экономиками, которые питали империи до XIX века, и миром, сформированным промышленной революцией. В той же главе среди прочего говорится о том, что в эту радикально новую эпоху священные наследственные императорские монархии потеряли жизнеспособность. Кроме того, в ней отмечается, что стратегии и решения императорских монархий, которые должны были помочь им пережить испытания этого периода, обладали огромной важностью в свое время и оставили немало отпечатков на нашем современном мире.